

Анастасия
Миллюр

Рогатая
ведьма для
подлого дракона

Анастасия Миллюр

Рогатая ведьма для подлого дракона

<https://litres.ru/74420022>

Аннотация

— Как вы смеете приказывать мне, что делать?! — Смею! Мужчина быстро оказался рядом со мной и наклонился к моему лицу, однако, совсем не флиртуя. Его глаза были злыми! — Если вы не уступите мне комнату, мы будем спать вместе. — Прекрасно! — фыркнула я. — Места на полу мне для вас не жалко! — Я не сплю на полу! — Надо когда-то начинать!

Проснувшись в один прекрасный день, я обзавелась парой витых рогов, мой жених женился на моей же сестре, а я стала ведьмой. И теперь меня ждет сваливший на голову недовольный истинный, разборки с колдуньями, война с ректорессой, и... Да, много чего еще! В общем, дел невпроворот, удачи - ноль да ноль, зато энергии и жажды приключений хоть отбавляй!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	16
Глава 3.	34
Глава 4.	44
Глава 5.	55
Глава 6.	71
Глава 7.	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1.

С кислым выражением лица, при взгляде на которое даже испорченное молоко покажется еще о-го-го, каким свеженьким, я смотрела на то, как у алтаря сочетались священным союзом моя сестра и — прошу обратить внимание! — мой жених.

Невеста сияла и лучилась от счастья! Еще бы! Отхапала себе такой лакомый кусочек, в виде молодого герцога, и довольна! Вон как улыбается.

Ее белую фату, купленную, между прочим, для меня, держали младшие братишки, которых мама упорно переодевала в девочек.

— Согласна ли ты Лаура Джавина Аморано...

Слушая нудную речь, почесала зудящие рожки, которые были виновны в том, что я сидела на свадьбе сестры, а не стояла со счастливым оскалом у алтаря. К слову, восседала я на первом ряду... Наверное, матушка боялась, что пропущу чего-нибудь важное, если размещусь хоть на ряд дальше. Ну и пусть, мне очень даже нравится наблюдать за тем, как мой бывший жених самозабвенно смотрит на сестрицу.

А я ведь знала, что сестра ему всегда нравилась больше, чем я. В нашей стране все будто помешаны на зеленоглазых блондинках. Медом они что ли намазаны? А мне, голубоглазой брюнетке, что делать? Перекрашиваться? Нет уж, уволь-

те!

Но вот ведь раньше, какая незадача была...

Сестрица моя любимая имела неосторожность родиться первой. Да, пусть всего минут на двадцать, но факт оставался фактом. И потому великий дар рода Аморано перешел к ней, а точнее все так думали.

Дело в том, что наша семья не совсем обычная, как бы это странно ни звучало, впрочем, и не слишком особенная. Просто в нашем роду, как и во многих других, рождались ведьмы и ведьмаки. Однако не все потомки становились последователями Баартоса[1], а только лишь первые дети первых детей. И в день, когда ведьмы славят своего бога, у этого самого первого ребенка на девятнадцатом году жизни пробуждаются особые силы, которые являются даром Баартоса, а кроме этого вырастают рога.

Да, вы не ослышались, да, в прямом смысле этого слова. Витые рога, самые настоящие.

Зачем они ведьме? А хухлик[2] их знает. Вырастают и все тут!

Так вот. Поскольку Джавина явилась на свет раньше меня, все думали, что, как и положено, Великий Баартос одарит милостью именно ее. Поэтому матушка, также будучи ведьмой, активно готовила сестру стать продолжательницей великого рода Аморано! Она желала, чтобы Джавина стала Валхарой[3], ибо у нее самой много лет назад этого не получилось сделать. Меня же было решено выдать замуж за сына

герцога Какашто — давнего друга семьи. Однако не тут-то было!

Пресвятая Мэйна[4], как она это очень любит делать, показала всем большую и огромную фигу, и вместо сестрицы в день Баартоса с рогами проснулась я!

История была знатная... Столько криков и визгов в нашем доме не было, пожалуй, никогда. Я подвывала от неожиданности, сестра визжала от радости, а матушка от того, что все ее планы в очередной раз пошли хухлику под хвост. Тетушка глотала валерьянку, потрясая огромным талмудом семейной истории, в котором вплоть до седьмого колена были записаны имена ведъм и ведьмаков, и в котором не было даже одного упоминания о втором ребенке. Папочка, прибывший из империи Ифровар аккурат на мою свадьбу, только посмеивался в кулачок.

Он всегда мне говорил, что рано я себя в браке решила похоронить. Говорил, что, мол, еще света белого не видывала, и коли существует в мире справедливость, не дадут мне силы всевышние замуж за этого Какашто выйти. И ведь надо же, как по писанному прочитал! Папочка у меня, конечно, пройдошистый, но не настолько же, чтобы в летописи Мэйны подглядывать!

Потом родители долго ругались, ради приличия удалившись в другую комнату и чисто символически прикрыв дверь, к которой мы с сестрой тут же привалились. Мне немного мешали рога, но все это было делом наживным, и

вскоре я уже с не меньшим интересом, что и Джавина, подслушивала, о чем там они говорили.

Мамулечка кричала на папу, обвиняя во всем его «поганные» гены, которые испортили ей всю малину. Вещала о том, что это небывалая в истории вещь, что теперь все ее коварные и великие планы рухнули, и виноват в этом единственный источник всех зол — мой папаня.

Сразу вам признаюсь, быть позором рода — штука крайне неприятная. И матушка, и тетка, и еще одна тетка весь оставшийся день косились на меня, как на прокаженную. А на следующее утро мама ворвалась в мою комнату и тоном, не допускающим возражений, заявила, что я еду в академию.

Я было воспротивилась, давя на то, что сестрицу ни в какую академию ссылать не собирались, но мне вставили по первое число, а потом и по второе, и до кучи по третье.

За завтраком же, на котором я сидеть нормально не могла, ибо часть тела, о которой не упоминают в приличном обществе, ужасно болела после матушкиной воспитательной беседы, сестра со счастливой улыбкой сообщила о том, что выходит замуж за моего герцога!

Вот так счастливо для сестры и довольно сумбурно для меня и закончилась эта история.

Я насмешливо скривила губы, глядя на то, как жених клянется в верности до гробовой доски. Ну-ну, видали мы вашу верность, господин. Был бы всякий верен, как вы, и у нас бы, пожалуй, ни одна семья целой не осталась, а гвардейцы

с верностью такой в первой же войне перешли на сторону врага.

Сложила руки на груди и закинула ногу на ногу. Папочка, сидевший рядом, коснулся моего плеча и подмигнул.

Жених проговорил ожидаемое «да», и жрец богини Вилианы[5] разрешил молодым поцеловаться. Это было, разумеется, весьма великодушно с его стороны, но кто-нибудь должен был ему сказать о том, что они давно миновали этот невинный порог и даже зашли чуть дальше, буквально, имели наглость добраться до конца.

Через пару минут парочка оторвалась друг от друга и повернулась к гостям, дабы принять поздравления. Авон нашел меня взглядом и улыбнулся, будто извиняясь.

Прищурила глаза.

Молодой человек, да будет вам известно, что одним спасибо сыт не будешь, а одной улыбкой мир краше не сделаешь! Нечего тут лыбиться, еще лицевые мышцы не дай боги потянешь, и придется моей сестре тебе припарки всякие ставить.

Заиграла торжественная музыка, благозвучность которой нарушал несколько глуховатый трубач. Его бы выгнать давно пора, но этот дяденька был словно самим духом оркестра, никто не помнил, когда он впервые появился в наших краях, всем казалось, что он вечность существует в этом храме и несколько фальшиво играет на своей местами ржавой трубе.

Гости, которых было не слишком много — только род-

ственники и друзья семьи, чинно поднялись со своих мест и всем скопом отправились поздравлять молодоженов, расцеловывая их в обе щеки.

— Кэмрин! — позвала меня уже поднявшаяся мама.

Медленно я перевела взгляд с Авона на нее, и она указала взглядом на алтарь, поджав губы. Это она чего? Хочет, чтобы я, расцветая радостной улыбкой, пошла и поздравила «этих» что ли?

Ага, сейчас. Держите карман шире! Скажите спасибо, что я вообще сюда пришла. Мне знаете, как-то совсем не улыбалось сидеть всю церемонию, слушать мерзкие шепотки и чувствовать косые взгляды. У меня может тонкая душевная организация, и все эти пересуды негативно влияют на неокрепшую после сильного потрясения психику!

— Кэм!

Отец похлопал меня по плечу, прошептав, что я не обязана этого делать, если не хочу. К сожалению, в нашей семье был явный матриархат. И мама все также, не сводя с меня убийственного взгляда, молча приказывала мне поднять пумпенцию и лететь с поздравлениями к сестре.

Коли таков ваш приказ, милая матушка, как я могу возразить?!

Я встала, разгладила складки на платье, вызываяще посмотрела на маму, а затем окинула оценивающим взглядом длинную очередь, которая выстроилась к молодым. Да, этак мне часа два нужно будет стоять, чтобы до сестрицы добрать-

ся. А ведь у меня столько дел, столько дел!

Отстукивая каблукчиками подзадоривающий меня ритм, я вышла в центр храма. Некоторые гости стали на меня озира-
ться, не понимая, что я собираюсь сделать, но по большей
части, все был заняты молодыми.

— Друзья мои! — громко обратила я на себя внимание.
— Дорогая моя сестренка! Возлюбленный бывший жених!

Теперь ко мне были повернуты все. По залу прокати-
лась волна усилившихся шепотков. Сестра смотрела на ме-
ня, поджав губы, а Авон несколько растерянно.

Что, думали, буду все отрицать? Я - не я, корова не моя?
Не на ту напали.

Да, это моя сестра. Да, она увела моего герцога. Да, они
поженились. От правды не убежишь.

— Желаю, чтобы вас окутывала та же радость, что и меня
сегодня! Ведь брак — это просто чудо, особенно такой, в
котором царит давно зародившаяся любовь. Не правда ли?

Я пристально посмотрела в глаза Джавины, затем переве-
ла взгляд на Авона.

Что, дорогие мои, думаете, я не знала о ваших тайных сви-
даниях? Да горничные первым делом бежали ко мне и рас-
сказывали все о вас в самых нескромных подробностях: где,
как, сколько, когда. Но я как думала: мы с герцогом поже-
нимся, уедем, и все у нас будет прекрасно. Ан, нет.

Сестра улыбнулась, пытаясь разрядить обстановку.

— Кэм, ты ведешь себя как ребенок, успокойся.

Я чуть прищурила глаза и усмехнулась, мой взгляд прошелся по залу, и я зацепилась за знакомое лицо.

— Леди Симани, отчего же вы не идете поздравлять молодых? Ах, что это? Ужели слезы на ваших белых щеках, которые вы с таким упорством трете с утра пораньше выпрошенным у моей матушки зельем? Да не плачьте! Полно. Не думайте, что лорд Какашто на веки для вас пропал. Он у нас любвеобильный, и помимо жены, в его душе найдется местечко и для вас, по крайней мере, оно явно там находилось, пока я была его нареченной.

— Кэмрин! — предупредительно начала матушка.

Я улыбнулась как можно очаровательнее, позволяя скопившейся за все время обиде, выплеснуться наружу.

— А что такое? Разве я неправду говорю? Леди Ива, да не смейтесь. Ведь вы недалеко ушли от леди Симани. Погодите, дайте вспомнить... К вам лорд Какашто захаживал по пятницам или по средам?

Я изобразила на лице задумчивость.

— Ах, позвольте! Я такая глупая! Это ведь к леди Мово он ходил по пятницам, и к леди Дишус по средам, а вас посещал раз в две недели по вторникам! Простите, ради богов!

Да, жених был тем еще бабником, но я думала, нагуляется и осядет. Однако сейчас внутреннее ощущение подсказывало, а точнее даже прямо говорило, что я ошибалась.

— Кэмрин! — повысила голос матушка.

— Авон?! Это правда?! — сестра повернулась к своему

мужу, впиваясь в него взглядом грозных очей.

Не крути сестрица роман с ним за моей спиной, я бы просто отвела ее в тихую комнатку, и как перед идолом богини Эллоды [6] рассказал все, как есть, чтобы она знала, на что идет. Но Джавина сама сделала свой выбор, так пусть же теперь пожинает плоды собственных решений.

Мой новоиспеченный зятек постарался улыбнуться как можно невиннее.

— Ну что ты, Джи, я люблю только тебя!

— Что не делает тебе большой чести, учитывая, что еще два восхода назад ты был обручен со мной и пел мне те же песни, — вставила я.

— Кэмрин! — в конец разозлилась матушка. — Закрой свой болтливый рот и прекращай разыгрывать здесь драму!

Я посмотрела на нее и усмехнулась.

— Позвольте, мама! Это скорее водевиль!

Гости уже даже не шептались. Они просто с жадным вниманием слушали нас, чтобы потом вдоволь обсудить все произошедшее здесь в другом месте. Чувствую, что на такой свадьбе они были впервые.

Комичности происходящему добавлял все тот же дядя с трубой, который, не слыша, что музыка остановилась, все еще продолжал извлекать из своего инструмента такие звуки, что, казалось, у него в трубе сидят пару замученных до смерти кошек, которые все еще продолжают надирать глотки, надеясь перед кончиной проклясть мучителя.

— Сейчас же покинь храм! — процедила родительница сквозь зубы.

— Сию же минуту! — обрадовалась я и заспешила к выходу, но в дверях обернулась, вдруг вспомнив про одну деталь.

— Джавина, на платье разошелся шов юбки. Хотела сказать раньше, но как-то подзабыла. Так что ты поосторожнее.

И будто бы повинуюсь моим словам, от платья отделилась его нижняя часть и красиво упала к ногам молодой жены, являясь последним красивым аккордом в этой комедийной симфонии.

Я хмыкнула. Храм огласился визгами сестры и аплодисментами отца, он у меня тоже был со специфичным чувством юмора. Жрец с несчастной миной приложил ко лбу платочек, промачивая выступивший пот.

Священный обряд превратился в фарс.

Делать мне больше тут было нечего, я толкнула железные двери и вышла. Еще теплый осенний воздух наполнил мои легкие, а пара пролетевших перед лицом листьев заставила улыбнуться.

Карета с эмблемой академии, уже ждала меня у входа. Кучер в синей мантии и шляпе-котелке, повернул голову в мою сторону, и я узрела светящиеся неестественным зеленым светом провалы глаз в вычищенной буквально до блеска черепушке.

Ничего себе у них обслуживающий персонал, а никого по-

живее не могли подыскать?

— Здравсьте, — прочистив горло, пробормотала я.

— Лаура Кэмрин Аморано? — спросил он неожиданно мелодичным голосом таким подозрительным тоном, что я даже поначалу засомневалась, я это или не я.

Но, в конце концов, ответила:

— Да.

Черепушка пристально осмотрела меня, довольно изящно для посмертия прыгнула с козел и распахнула дверцу.

Я оглянулась на храм, из которого должна была выйти герцогиней, а выхожу студенткой, хмыкнула и полезла в карету. Усевшись на сидении, подождала, пока скелет захлопнет дверцу. Спустя еще несколько секунд, мое транспортное средство плавно тронулось.

Я выглянула в окно, наблюдая, как проносятся мимо знакомые, родные места. Вот сарай, в котором мы в далеком детстве играли с Джавиной. Вот вишневый сад, в котором мы в первый раз поцеловались с Авоном. А вот деревушка, куда я каждое утро тайком бегала за свежими булочками, потому что мама считала, что выпечка — это вредно, и не разрешала кухарке подавать ее к завтраку.

Что ж, сейчас не место грусти. Я начинаю новую жизнь в Академии колдовства имени Люпива Ужасного. Пошло это замужество в бездну! Папа прав, я слишком молода и прекрасна, чтобы хоронить себя в четырех стенах. Ведь жизнь только начинается!

Приободлив себя такими мыслями, я улыбнулась, погладила рожки и откинулась на спинку сидения.

Ну, академия колдовства, я иду!

[1] Баартос — рогатый бог скота и леса. Покровитель ведьм.

[2] Хухлик обыкновенный — вид мелкой нежити.

[3] Валхара — глава гильдии ведьм, член королевского совета, участвующая в принятии важнейших решений, наряду с другими главами гильдий.

[4] Пресвятая Мэйна — богиня судьбы.

[5] Виллиана — богиня любви

[6] Эллода — богиня честности и правосудия.

Глава 2.

Карета подпрыгнула на очередной кочке, из-за чего я ругнулась уже, кажется, в миллионный раз и потерла голову, которая снова ударилась о стенку.

Мы ехали целый день, и признаться, я уже буквально вешалась со скуки. Развлечений-то вокруг совсем никаких. Разве что можно поглазеть на совершенно монотонный пейзаж... Но это такое себе удовольствие, конечно, весьма и весьма сомнительное.

Побарабанила пальцами по коленке и, ни на что не надеясь, отодвинула шторку, ожидая увидеть всю ту же неменяющуюся картину — поля, усыпанные еще не успевшими завянуть желтыми и голубыми цветами, с редкими проблесками деревьев. Время от времени, в поле моего зрения попадал какой-нибудь случайный, что шел по дороге, почти всегда неся огромную суму. Обычно когда до прохожего доносился стук копыт и скрип колес, он по привычке отходил в сторону, но поворачиваясь, чурался и отскакивал с пути, осеняя себе защитным знаменем Первобога.

Еще бы. Бедняги.

Поди, за всю свою жизнь мертвечинку только на погребениях и видели. Да и та была достаточно воспитана, чтобы как-то держать себя в рамках приличия и спокойненько лежать себе в гробу, не брыкаясь. А этот скелет с блестящи-

ми на солнце белоснежными костями не только не думал лежать, как ему и положено, но и еще и очень даже живенько подгонял лошадок и угрожающе клацал челюстями, когда те не слушались. К слову, коняшки — тоже не будь дураками — не слушались крайне редко.

Так вот.

Ничего нового в окне я увидеть не ожидала. Я точно знала, что до столицы, в центре которой как раз и находилась академия, еще было ехать и ехать. А значит, мы могли добраться до нее не раньше завтрашнего дня. Отчего-то я даже и предвидеть не могла, что в нашем маршруте фигурирует остановка на ночлег. Но она была...

Кони встали перед невысоким приземистым и пузатеньким домиком, который носил гордое название таверны. Оттуда доносились пьяные выкрики, визги женщин и веселая музыка. К общей симфонии присоединялись лошади, которые ржали тут неподалеку — в стойлах, примыкающих к таверне.

Я осмотрелась, поражаясь, насколько выгодно разместился хозяин сего места — как раз на перекрестке пяти дорог. А я еще удивлялась, откуда в простой придорожной таверне такой наплыв посетителей. Ведь рядом со строением стояло, по меньшей мере, десяток карет.

Кинула подозрительный взгляд на окна, в которых как раз мелькнула чья-то пьяная в стельку, но весьма и весьма довольная рожа. Как бы ни оказалось так, что тут и вовсе мест

нет. Оглянувшись на своего кучера, тот ответил мне подбадривающим синим взглядом и проговорил: «Заселяйтесь», сам же принялся распрягать лошадей.

Забудем о том, что у меня совсем не было опыта в подобных вещах, я вообще дом покидала всего-то пару раз, но всегда с родителями. Выпятив грудь колесом и вздернув подбородок до небес, я глубоко вздохнула и зашагала к двери.

Та распахнулась прямо перед моим носом, едва не подавив мне восхитительный фиолетовый синяк на носу, который сочетался бы с моими синими глазами получше всяких сапфиров. Опираясь на дверь на меня смотрел паренек с невымытыми сальными волосами, которые липли к его лицу. Глаза парня были собраны в кучку. Он пьяно икнул, вскинул голову и широко улыбнулся.

— Уйди, блюмп[1] ты вонючий, — сморщилась я, прикладывая к носу ладонь, чтобы хоть как-то защитить себя от этого ужасного смерда, исходящего от паренька. По-моему даже упомянутые блюмпы следят за собой более тщательно. А ведь они известные свинтусы!

Пьянчужка харкнул себе на ладонь и прилизал волосы, которые, и без того стали почти единым целым с головой.

— С превеликим удовольствием, — невнятно пробормотал он заплетающимся языком, улыбнулся шире, отчего его лицо стало еще более глупым, и рухнул к моим ногам.

Я сморщила губы и переступила через него.

Зато, какой улов! Первый день на свободе, а уже мужчины

прямо-таки к ногам валятся! Да, пусть мужчинка так себе, не умен, не красив, да и манеры у него оставляют не просто желать, а прямо-таки молить о лучшем, но ведь это только начало!

К моему сожалению, внутри было ничуть не лучше.

Въедливый, неприятный запах мужских потных тел глубоко пропитал стены этой таверны. Не помогали ни расставленные на подоконниках цветы, ни ароматические трубки, которые дымились и торчали по углам.

Помниться матушка всегда раскуривала такие, после того, как к нам захаживал наш сосед, граф Люпшо. Это был мужчина многих талантов — был он и умен, и стар, и вонюч. Не знаю, как у матушки хватало сил сидеть с ним положенные полчаса, а потом ссылаться на важные дела и прогонять его из нашего поместья.

Боясь задохнуться, я не стала отнимать от лица руки в перчатке, которые, кстати, были выписаны из столичного каталога моды, и которые были предметом моей личной гордости. Ведь я сама сидела над ними целую ночь и кропотливо, высунув от усердия кончик языка, пришивала к ним драгоценные камушки, чтобы у сестры лицо от зависти на утро перекосилось. Впрочем, так и получилось! Какое удовольствие я испытала в тот миг, и не передать.

Прямо передо мной на пол упали двое мужланов, которые с остервенением били друг друга в лицо и выбрасывали резкие слова. И вот уже и три особи предположительно мужско-

го пола пали ниц передо мной... Да это успех!

Обойдя их, я осмотрела переполненный обеденный зал в поисках хозяина.

— Нет, стойте! Только не ваза!

Обернувшись на выкрик, я заметила как холеный ухоженный мужчина в дорогом туисском[2] халате, с аккуратной бородкой со слезами на глазах следил за тем, как один из драчунов схватил с подставки красиво расписанную вазу и разбил ее о голову своего противника.

Поморщилась, когда осколки упали на пол, а мужчина с воем брякнулся на колени, протягивая дрожащие руки к остаткам своей драгоценности.

Ну, он, конечно, хорошо придумал. Еще бы посуду хрустальную поставил и сокрушался по поводу того, что терпит сплошные убытки.

Но так или иначе, искомый хозяин был найден, и я целенаправленно двинулась в его сторону, по ходу стараясь обходить непонятного происхождения жидкости, встречающиеся на моем пути.

— Извините, уважаемый, — обратилась я к нему.

— Оставь меня! — вскричал он голосом полного драматизма.

Мужчина прижал к груди осколки и в голос зарыдал.

— Это единственная в мире ваза эпохи хана Бехмета Второго! Единственная в мире, понимаете?! У-ни-каль-на-я!

На последнем слогe он завыл так, что даже волки в полно-

лунии ему невольно бы позавидовали и попросили дать пару уроков.

Я откашлялась.

— Что ж, мне весьма и весьма жаль. Однако...

— Что ты мямлишь! — взревел он. — Я в горе, не видишь что ли?!

— А я в пути! — рывкнула я, не собираясь мириться с его нытьем. — И мне нужна комната!

Мужчина поднял на меня зареванные глаза, моргнул, а потом подскочил на ноги и склонился в три погибели.

— Ах, госпожа ведьма! Сама Мэйна прислала вас ко мне в этот вечер! Умоляю вас, сделайте что-нибудь, выгоните этих неотесанных дикарей, и я выделю вам лучшую комнату! Нет! Свою уступлю!

Нет, как хорошо, что у меня выросли рога! Какая сразу визитная карточка, а? И представляться не надо!

Я усмехнулась.

— Разве, это не ваши посетители, о которых вы должны заботиться с должным почтением и уважением, как приказала гильдия купцов?

— Все так, все так! — закивал этот человек. — Но они не заплатили мне ни гроша, госпожа ведьма! Ввалились всем скопом, заказали столько выпивки, что хватило бы напоить целой войско, а как я попросил положенную плату, устроили вот это...

Он жалостливо обвел рукой представшую передо мной

картину, и тут же мимо него пролетела глиняная кружка, которая врезавшись в стену, разбилась. Хозяин просто вздохнул и посмотрел на меня взглядом полным надежды.

Почесала кончик носа и снова обвела всю комнату задумчивым взглядом. И действительно, если присмотреться, дебоширила только небольшая кучка людей, а все остальные по большей части сидели мирно, не забывая изредка нагибаться к столу, когда мимо них пролетал какой-нибудь социально небезопасный предмет.

Так.

Рога у меня имелись, и это уже было неплохо, ведьму во мне сразу признают. Но вот без остального было туго... Мамочка моя всегда, когда хотела выглядеть особо устрашающе, посылала горничную за своей метлой.

С другой стороны... Неужели в таверне не найдется такой мелочи?

— Уважаемый, — повернулась я к хозяину, который смотрел на меня точно, как на идола Первобога. — У вас метлы не найдется?

— М-метлы? — переспросил он.

Кивнула и широко улыбнулась.

— Я путешествую налегке, свою дома забыла.

— Д-да, конечно... Но какая ей от нее польза, — бормотал он, уже удаляясь.

Пока его не было я прикидывала в уме план действий, и хотя приличия, с детства вбиваемые мне в голову дивизией

гувернанток, не позволяли поступать подобным образом, я была, в конце концов, ведьмой или кем?! Для нас действуют упрощенные правила вежливости.

Получив из рук недоумевающего, но все еще глядящего на меня, как на бога, хозяина и отдав ему на сохранение перчатки, я полезла на стойку. Несколько лиц уже стали поворачиваться в мою сторону, но вот пьянчужкам было как-то фиолетово, кто там куда залез, они бы и сами, куда хочешь, залезли, тоже мне зрелище! А ведь именно на них было ориентировано мое представление, и мне требовалось их внимание!

Для привлечения одного я несколько раз ударила черенком метелки о столешницу.

Бум. Бум. Бум.

На меня посмотрел бугай осоловелыми глазами и пару раз моргнул.

— Э-ге-гей! — крикнула я. — Пьянь!

Вот такое пропустить мимо ушей уже не могли. На меня вытаращились сразу все товарищи, которых можно было отнести к озвученной категории. И все, главное, были до ужаса возмущены таким совершенно бесцеремонным оскорблением!

«Это ты кого пьянюю назвала?!» — читалось в их масляных глазах.

— Да-да, я к вам обращаюсь!

Я показала в их сторону черенком и грозно нахмурилась.

— Что вы тут устроили, хухлики зубугористые?!

— А тебе-то что?! — крикнул какой-то мужлан, еле стоящий на ногах.

— Это таверна под моим покровительством! — прищурилась я.

Послышалось пьяное улюлюканье.

— Пусть этот хлыщ в халате ищет себе кого посерьезнее...

Это он что, сомневается в том, что я представляю угрозу?

— Я ведьма!

— А я — крестная фея! — заржал мужлан и изобразил руками движение крылышек. — Потаскуха ты обычная, а не ведьма!

Я рыкнула. Внутри что-то поднялось, загорелось, запылало.

— Закрой свой пьяный рот, свинья.

Мои слова прозвучали как-то более внушительно, чем я ожидала. Мужик снова заулюлюкал, распахнул пошире свою варежку, собираясь сказать что-то очень остроумное, но все что он сумел это захрюкать — мерзко, противно, как старый боров.

Я удовлетворенно усмехнулась и обвела взглядом его притихших товарищей.

— Сейчас же все за собой убрали, оставили хозяину положенные деньги и свалили к гордовой[3] бабушке!

Еле стоящий на ногах пьяницы заматались по комнате, стараясь выполнить мое указание, а их предводитель, бес-

прерывно похрюкивая, подошел ко мне с вытаращенными глазами.

Я скривила рот.

— Это не ко мне. Даже дурак знает, что ведьма не может снять наложенное проклятье.

Вообще-то это было не совсем так... Ведьма, как говорила моя матушка, могут наложить дополнительное условие... Скажем, ты избавишься от проклятья, как только попрыгаешь три раза с вытянутой ногой.

Но так как силой своей я управлять толком не умела, то было мне это не по зубам. Однако мне было ничуть не жаль этого грубияна. Нечего напиваться и устраивать разгромы. Ему повезло, что город далеко и стражу не вызвать.

Спустя четверть часа банда, буквально за шкирятник вытащив своего хрюкающего главаря, который все никак не желал отцепляться от моего подола, скрылась за дверью.

— Спасибо! — подлетел ко мне хозяин, вытирая скупую слезу. — Спасибо большое!

Я еще раз стукнула метлой по столу и спрыгнула на пол, протянув инвентарь мужчине.

— Спасибо на хлеб не намажешь. Где моя комната? Я ужасно вымоталась в дороге.

— Конечно-конечно, — расцвел в улыбке он. — Прошу, пойдемте.

Направляясь к лестнице, я отметила пару благодарных взглядов. Видимо, пьяницы никому тут особо не нравились.

Но не успели мы с хозяином вступить на первую ступень, как с грохотом распахнулась дверь. Бедняжка ударилась о стену с таким треском, что создалось ощущение, будто она вот-вот слетит с петель. Я резко развернулась, думая, что недавние гости вернулись, и уже хотела было потребовать у хозяина назад его метлу, но оказалось, что ошиблась.

На пороге стоял высокий мужчина. Его светлые волосы были убраны от лица назад так, что остальные пряди свободно рассыпались по плечам. Лицо его было, пожалуй, красивым, однако он был очень худощав. Глаза смотрели хищно из-под низко надвинутых бровей, а губы были поджаты.

Одет он был в черный дорожный плащ отороченный мехом, под ним виднелась черная кожаная куртка, штаны и высокие сапоги со шпорами.

Странная одежда для жителя нашего королевства. Плащи у нас были не в почете, да и кожа считалась слишком вульгарной для носки, а вот в соседнем государстве — империи Ифровар, все это весьма ценилось.

Наши взгляды встретились, и я увидела, что его глаза ярко зеленого цвета с вытянутыми узкими зрачками.

Пресвятая Мэйна! Неужели это... Дракон?!

Мужчина захлопнул дверь и пересек зал. Все как-то притихли, инстинктивно ощущая, что в берлогу пожаловал зверь покрупнее и поопаснее.

— Мне нужна лучшая комната! — отрывисто произнес он. — Боги, как здесь воняет!

Ноздри мужчины затрепетали, и он, как я совсем недавно, прижал к носу перчатку.

— Да, ваше драконшество! — заблеял хозяин таверны. — Но лучшая комната здесь моя, и она уже занята госпожой ведьмой...

После этих слов мужчина как-то нервно засмеялся и спрятался за мою спину. Очевидно, вечер у него не задался.

Очи дракона вновь обратились ко мне. Пару мгновений он оценивал меня, скользя взглядом с ног до головы, а потом нахмурился.

— Уступите мне комнату.

Мои брови сами собой взлетели к корням волос.

— С чего бы это?! — усмехнулась я. — Комната моя! Возьмите себе другую.

Внезапно дракон отнял от лица перчатку, приняхался, потом нахмурился и вернул деталь гардероба на прежнее место.

— Я не могу спать в кровати, кишашей клопами. Мне нужна хорошая комната.

— Вы, быть может, удивитесь. Но меня подобная перспектива также не прельщает! Уважаемый, отведите меня!

Хозяин выглянул из-за моей спины, пробормотал что-то утвердительное и, ухватив меня за рукав, повел вверх по лестнице, стараясь сильно не высовываться.

— Стоять!

Голос дракона прямо-таки пригвоздил нас к полу. При-

знать­ся че­ст­но, я со­вер­шен­но по­зор­но трух­нул. Но по­том при­шла в се­бя, об­ер­ну­лась и воз­му­ти­лась:

— Как вы сме­е­те при­ка­зы­вать мне что де­лать?!

— Смею!

Муж­чи­на бы­стро ока­зал­ся ра­дом со мной и на­кло­ни­лся к мое­му ли­цу, од­на­ко, со­всем не фли­ртуя. Его гла­за бы­ли злю­щи­ми!

— Если вы не усту­пите мне ко­м­на­ту, мы бу­дем спать вме­сте.

— Пре­крас­но! — фыр­кну­ла я. — Места на по­лу мне для вас не жал­ко!

— Я не сплю на по­лу!

— На­до ко­гда-то на­чи­нать!

Хо­зяин по-ти­хо­му стал от­сту­пать с места на­ме­ча­ю­щей­ся раз­бор­ки. При­жав ру­ки к ли­цу, он ос­то­ро­жно под­ни­мал­ся по ступень­кам.

Скрип. Скрип. Скрип.

Мы с дра­ко­ном, при­щу­рив­шись, смо­трим в гла­за друг дру­гу, я злюсь, он то­же.

Скрип. Скрип. Скрип.

— Да хватит уже скри­петь! — взор­вал­ся он, рык­нув, и впе­рил вз­гляд гроз­ных очей в хо­зяина.

Тот вз­дро­гнул, по­те­рял рав­но­ве­сие и стал па­дать. Но это ла­дно... Глав­ное то, что в про­цессе это­го он за­дел меня, и я то­же ста­ла па­дать!

За­кри­чав, я по­пы­та­лась ух­ва­тить­ся хо­ть за что-то, и этим

«что-то» оказалась рука дракона, с которой была снята перчатка.

Тысячи искр обожгли мою кожу, наши глаза встретились, меня окатило сначала жаром, потом холодом, по телу пронеслась дрожь.

«Моя—с» — зашипел кто-то в моей голове.

Я вскрикнула. Глаза испуганно расширились, а стоящий передо мной дракон зарычал.

— Да откуда ты только вылезла, горд бы тебя побрал! — взревел он, а затем вывалил на меня такой поток ругательств, что у меня уши покраснели. От любопытства. — Где эта ваша комната?!

— Налево по коридору. Последняя дверь, — проблеял еле живой хозяин и кинул дракону ключ.

Меня грубо схватили за запястье и поволокли вверх по лестнице. Мне потребовалось десять ступеней, чтобы прийти в себя.

— Отпусти меня, наглый ты хухлик! Сейчас же отпусти! Прокляну!

— Обязательно! — рыкнул он, и нисколько не вняв моим угрозам, потащил наверх.

Я дергала руку, пытаюсь вырваться. В итоге он остановился, перекинул меня на плечо, оглушаемый моими визгами, и продолжил путь.

В комнате меня швырнули на кровать, и я тут же попыталась встать, уже всерьез опасаясь за свою девичью честь.

— Лежать! — взревел он, и я, как-то попричихнув, села, поправляя сбившееся платье.

Сам же дракон запустил руку в волосы и отошел к окну, шумно дыша через нос. От него исходила такая аура гнева, что мне невольно захотелось занять тетушкины туисские благовония, которые по ее искреннему убеждению отчищали комнату от злости.

— Чего ты на меня кричишь?! — попыталась было возмутиться я.

— Молчать!

— Да ты в конце что ли обнаглел?! На жену свою орать будешь! — психанула я, вскакивая с кровати.

По тому, как он замер, поняла, что попала прямо-таки не в бровь, а в глаз. Он обернулся ко мне и глаза его полыхали такой яростью, что я невольно ойкнула и отступила к двери.

— Вот как раз ей я не собирался обзаводиться еще лет сто, а то и двести!

— Что ж, очень за тебя рада...

Я решила, что ну ее, комнату эту. Кровать не из золота была сделана, да и обои на стенах какие-то аляпистые... Перекантуюсь как-нибудь в другом месте, зато без такого агрессора под боком.

— Да ты что?! Рада?! Я тоже был за себя очень рад! А теперь вот, нет! Тебя кто просил меня лапать?!

Так. Извините, пожалуйста, но это уже просто сверхнаглость!

— Я вообще-то падала!

— Ну и упала бы! А теперь придется тащиться с тобой назад, жениться...

Я вот только от одной свадьбы избавилась, упаси боги от второй! И вообще, с чего это он решил, что я согласна?! Одно слово — драконы!

— Да иди ты к грордам в бездну! Никуда я с тобой не пойду! Я вообще в академию еду поступать!

И тут его гнев, как рукой смыло. Он моргнул, оперся бедром о подоконник и требовательно спросил:

— Какую?

— Академию Колдовства имени Люпива Ужасного, — несколько растерянно отозвалась я, не понимая, чем вызвана такая перемена. — И вообще, какая тебе разница?!

Дракон задумчиво побарабанил пальцами по губам.

— Может, и не придется ехать... Возможно, брат не узнает пока об этом... И кто ему скажет... Но тогда времени мало, — бормотал он.

Вдруг ощутила, как руку прожгло огнем. Закричала, цепляясь пальцами за запястье. Дрожащей рукой отодвинула край рукава и увидела, что руку опоясывала черная вязь символов.

— Что это?!

— Метка, — буркнул дракон.

— Какая к хухликам метка?! — взвизгнула я, таращась на него.

— Брачная.

— Что?!

— Ты — моя нареченная, — зло выдохнул он и окатил меня мрачным взглядом.

Я моргнула и привалилась спиной к двери, ударившись затылком о деревянную поверхность.

Гордова бездна...

И вдруг тело стало действовать само по себе. Я выпрямилась, рванула на себя ручку двери и понеслась прочь. Выбегав на улицу, увидела, что кучер чистит лошадей.

— Седлай! — крикнула я.

Он посмотрел на меня своими синими очами, качнул головой и через пару мгновений лошадки были готовы. Я влетела в карету и захлопнула дверь.

Уже отъезжая, заметила, что дракон вышел на крыльцо и, сложив рук на груди, смотрел на меня, чуть прищурившись.

Ищи себе нареченных где-нибудь в другом месте, милый мой! Мне еще учится и учится!

Но метка на руке снова полыхнула огнем, а где-то в голове снова послышалось:

«Моя—с... Не с-скроешс-с-ся».

Горд!

Тихо застонала и откинулась на сиденья. А все так хорошо начиналось!

[1] Блюмп — вид лесной нежити. Они собираются кучка-

ми в лесной глуши и напиваются болотной воды, от которой хмелеют. Любят валяться в грязи и экскрементах животных, отчего известны своим ужасным запахом.

[2] Туисское ханство — соседнее государство.

[3] Грорд — обитатель бездны — места, куда отправляются грешники после смерти. Грорды истязают и мучают грешников, отчего их часто упоминают в ругательствах.

Глава 3.

Проснулась от того, что карета резко затормозила, отчего я покатила с сидения и больно ударила об пол.

Гордова бездна!

Шипя и ворча, я поднялась и зло покосилась на дверь. Чего там такое произошло, что мой кучер создал аварийную ситуацию?! Будто чуя, что я его в мыслях костерю на все лады, скелет открыл дверь и, почтительно поклонившись, отошел, приглашающее махнув рукой.

В моей голове мелькнула слабая надежда на то, что мы приехали в академию, и я уже полная решимости вскинула голову, но оказалось, что все не так радужно и прекрасно.

Передо мной раскинулись окраины столицы во всей своей красоте. А именно: вонь, смрад и грязные люди в скудных ветхих одеждах, еле держащихся на лоснящихся потом тщедушных грязных телах. Серые здания, замызганные грязью, помои, вылитые прямо под фундамент, ор и гам торговцев, зазывающих купить лучшие товары во всем королевстве, и толпы попрошайек, которые тут же кинулись к нашей карете, заведя в нас золотую жилу.

Я поморщилась и невольно отползла в дальний угол кареты. Выходить и встречаться с этими людьми не было никакого желания. И что это вообще такое?! Кучер решил мне устроить экскурсию по достопримечательностям? Ну, так

пусть устраивает их в другом месте, более пригодном для подобных целей.

Где мой надушенный белый платок?!

— Почему мы остановились? Трогай! — приказала я, глядя на скелета.

Тот клацнул челюстями, от чего половина попрошайек разбежалась, а другая половина видимо была совершенно в отчаявшемся положении, ибо сие представление ее не напугало. Напротив, их руки еще более жадно стали тянуться ко мне через открытую дверь.

— Мы приехали слишком рано, — ответил скелет. — У меня был приказ вернуться в полдень.

Вот чем плохо иметь посмертие в слугах! У человека мозг гибкий, ему приказали вернуться в полдень, и он понимает, что если прибудет раньше — ничего критичного и фатального не произойдет. А тут что? Если приказали в полдень, так я снова в могилу слягу, но ни позже, ни раньше не приеду!

Одно слово — зомби!

Из-за высоких грязных зданий было сложно судить о положении солнца, а потому почти невозможно было сделать выводы о том, который сейчас час. Но создавалось ощущение, что еще ранее утро, а это значит, нам предстояло провести тут, по меньшей мере, несколько часов.

Нет, ну это уж извините!

Ногой отпихивая попрошайек, я выпрыгнула из кареты и огляделась. Мне в подол тут же вцепились чьи-то руки, и я

поборола желание лягнуться.

Знаю я этих несчастных и бедных людей, ветеранов войны, отцов и матерей многодетных семейств! Это днем они такие бедные и несчастные, а ночью встретиться с ними в темном переулке — и зубов точно недосчитаешься!

Матушка рассказывала, как в один из ее приездов в столицу, она проявила милосердие и дала золотой какому-то мальчонке очень печального и несчастного вида. Так ее потом в соседнем же переулке обобрали до нитки, оставив лишь в нижнем белье...

Стоит ли говорить, что потом этих ребят постигла мстя великая и страшная, но это потом, а факт оставался фактом.

Так вот, я не собиралась наступать на матушкины грабли! — Подайте бедному калеке! — раздавалось со всех сторон.

— Идите к грордам, не то прокляну! — рыкнула я.

Половина рук отцепилась от меня, и я с раздражением подумала о том, что отпечатки их грязных пальцев придется отстирывать от дорожного платья очень долго, а ведь оно — мое любимое!

— Так, я пойду сама, а ты уж постарайся доставить мои вещи в целости и сохранности до академии, — обратилась я к скелету, который как раз отцеплял какого-то предприимчивого мальчишку от моего чемодана.

— В полдень доставлю.

Я подозрительно на него посмотрела, вознося молитву

Светлейшей Фейнон[1], чтоб мои вещички остались в целости и сохранности, затем прижала к груди свою сумочку и целенаправленно двинулась вперед, стараясь продрасться через волну этих неугомонных мерзких людей.

— Прокляну! — то и дело рычала я, и попрошайки отставали, но ненадолго.

Но вот впереди стала виднеться оживленная чистая улица, а пальцы, вцепившиеся в мой подол, стали редеть, а потом и вовсе исчезли.

Городскую улицу я приветствовала, как родную!

Я оглядела стройный ряд магазинчиков и задумалась.

По-моему, матушка говорила, что мне нужно будет купить себе метлу, зеркало и котелок. Я думала сделать это после того, как заселюсь в общежитие, но с другой стороны, а почему бы не совершить необходимые мне покупки прямо сейчас, да?!

Я пошла вдоль ряда, всматриваясь в вывески и в прохожих, которые занимали большую часть моего внимания, точнее, меня интересовали даже не сами прохожие, а их туалеты. Раньше я только со страниц модных журналов, выписываемых из столицы, могла видеть все эти роскошные платья и украшения, а сейчас — вот они, сверкали прямо передо мной.

Дама в розовом платье прошла мимо меня, держа под руку своего кавалера.

Платье было чудесным, но вот только совершенно не было

к лицу юной леди. Его цвет сливался с цветом ее кожи, и она больше походила на поросеночка, чем на столичную красотку. А вот и другая леди в ярко фиолетовом наряде. Ничего не скажешь, хороший выбор, только вот мех на платье в теплую пору был популярен в прошлом сезоне... Надо следить за тенденциями, милочка.

Я хмыкнула, поражаясь тому, как можно настолько невнимательно относиться к собственной одежде и, завидев вывеску: «Метла по вкусу», открыла дверь.

Звякнул колокольчик.

Упитанная женщина с высоким пучком из седых волос на голове сидела за прилавком, окруженная метлами разных видов. Перед ней стояла кружка, и она то и дело прикладывалась к ней, изредка рыгая и высмаркивалась в некогда бывший белым платок.

Да что же это такое?! Тут есть вообще нормальные воспитанные люди-то, или как?!

Я уже было хотела развернуться и уйти, но тут дверь распахнулась и в магазин ввалилась запыхавшаяся девушка. Ее черные аккуратные рога выдавали принадлежность к роду ведьм.

— О, привет! — увидев меня, она широко улыбнулась.

— Привет, — ответила я, приподняв брови.

— Ты тоже первогодка, да?! Я — Линта!

Она протянула мне руку, я с сомнением покосилась на грязные пальцы и обгрызенные ногти, но таки пожала ее. На

мне были перчатки, так что не страшно.

— А тебя-то как звать?

— Кэмрин.

— Здорово! — воскликнула девушка. — Ты из породистых, да?!

Меня перекосило. В смысле «породистые»?! Я ей собака, что ли?

— Подбирай выражения, прелесть.

— Ой! Да брось! Ты же меня поняла! Ты родовитая. Вон как манерничаешь!

Девушка рассмеялась и похлопала меня по плечу. Я вздрогнула и покосилась на ее руку. Мало того, что мне по-прошайки подол испачкали, так она еще тут свою конечность пристраивает!

— А ты, похоже, нет?

Я повела плечом, и она свою лапу убрала, ее лицо несколько омрачилось.

— Я тоже... Но, понимаешь, меня матушка, как только я родилась, отправила к двоюродной тете по отцу в деревню. Вот я и жила там все время, света белого не видывала.

— Сочувствую, но мне пора бежать.

Я уже хотела было сделать шаг, но настойчивая девица вцепилось мне в руку.

— Стой!

Рыкнула. Да что же это такое?! Подол, плечо, теперь рукав?! Я так вообще, как блюмп, в двери академии войду!

— Да прекрати меня лапать! Руки сначала помой! — сорвалась я.

— Ой... — вскрикнула девушка, но так и не выпустила меня. — Просто не хочу одна по магазинам бродить, может, давай вместе? А потом в академию доберемся!

День не задался. А все почему? Потому что я не выспалась!

Вот всегда у меня так, если только ночью плохо спала, знай - следующий день будет хуже грордовой бездны! И все этот дракон с его меткой, хухлик его задери! Штука эта всю ночь жглась!

И вообще, у меня от недосыпа агрессия повышается, я сразу на людей огрызаться начинаю... А ведь мне нужно заводить друзей.

Вздыхнула.

— Хорошо, только пойдем в другую лавку.

— Да ты что! Это же лучший магазинчик метел во всем Эвагоне!

Я с сомнением обернулась к продавщице.

— Что-то не похоже...

— Честное слово!

В этот момент женщина подняла свое обрюзгшее лицо, отчего я подумала о том, что в ее кружке вряд ли находится безобидный отварчик, и неприязненно посмотрела на меня.

— Брать-то будете? Или так и будете у порога стоять и базарить?

Так, значит. Ну, хорошо.

А я говорила матушке, что никому ее правила хорошего тона к грордам не сдались!

— А вы повежливее! — усмехнулась я и демонстративно медленно обвела взглядом магазинчик. — Смотрю, кроме нас тут никого особо-то и нет...

Женщина осклабилась.

— Это потому, что я поганой метлой гоню отсюда вот таких расфуфыренных дамочек, как ты.

— О, так может не стоит этого делать? Все же, суть вашей профессии в том, чтобы продавать товар. Если хотели гостей распугивать, шли бы в вышибалы к кому-нибудь лорду.

Я нежно улыбнулась ей, и она разразилась смехом.

— Молодец! — дружелюбно улыбнулась она после того, как отсмеялась. — А то приходят ко мне овцы пугливые, аж смотреть... — она сплюнула, — противно!

Не могла не посочувствовать ее горю и, отцепив-таки от себя Линту, пошла к прилавку, внимательным взглядом осматривая метелки. Здесь были все цвета, с прутиками разных форм и размеров.

Мое внимание привлекла метла, висящая в самом углу. Она была фиолетового цвета, украшенная стразами, а вместо прутиков у нее были перья. Вполне так гламурно.

Продавщица повернулась в ту сторону, куда был обращен мой взгляд, и покачала головой.

— Нет, дорогуша, не советую.

— Отчего же?

Мне метелка очень нравилась!

Женщина, кряхтя, опираясь руками о столешницу, поднялась и поковыляла к стеллажу. Достав полюбившуюся мне модель, она пошла назад и положила ее прямо передо мной.

— Не всему доверяй, что с виду красиво, — усмехнувшись проговорила она, и ткнула толстым пальцем с квадратными ногтями в черенок. — Видишь, какой тоненький. Он в первой же стычке с кем-нибудь сломается, и придется за новым бежать. А краска... Видишь, как густо нанесена. Будет мешать координации метлы в полете.

Она потрепала рукой перышки и презрительно усмехнулась.

— Только глянь на это недоразумение... С ними далеко не улетишь. Это тебе не просто сумочка, которая подходит к лаку на ногтях. Метла — верный помощник и соратник. А в таких вещах, чем проще, тем лучше.

Женщина внимательно посмотрела на меня, рыгнула и скрылась за шторкой позади нее. Я же провела пальцем в перчатке по черенку и вздохнула.

— Какое чудо! А я все-таки эту возьму! — взвизгнула за моей спиной Линта, вновь вцепившись своими грязными пальцами в мое плечо, а потом быстро добавила: — Конечно, если ее не берешь ты!

Я закатила глаза, повела плечом и отошла чуть в сторону.

— Нет, не возьму.

Сразу после моих слов появилась продавщица, несшая в руке длинный сверток. Она трепетно положила ее на прилавок и, размотав бечевку, обнажила метлу. Та была совершенно обычной, коричневой. На черенке виднелись небольшие трещинки, но прутья были ровными, не сломанными, и в целом метелка имела ухоженный вид.

— Вот. Она поступила ко мне давно. Ходит легенда, что когда-то она принадлежала особенной ведьме... Пусть же теперь служит тебе.

Я осторожно провела ладонью по черенку, ощущая тепло в груди, и улыбнулась.

— Сколько за нее?

— Нисколько. Бери просто так.

Я вскинула брови и посмотрела на женщину, которая внезапно показалась мне намного старше, чем на первый взгляд. Та же смотрела куда-то в область моей груди. Я опустила голову и увидела кулон, оставленный мне прабабушкой. Наши взгляды встретились и продавщица улыбнулась.

Расправившись с покупками, мы вышли на улицу.

— Нет, вот как ты ее ловко провела! — трещала девушка мне на ухо.

Я же нахмурилась и обернулась к двери. Что-то мне подсказывало, что так или иначе, я все равно сюда вернусь. За ответами на вопросы, которые пока не возникли.

[1] Фейнон — богиня удачи.

Глава 4.

Ровно в полдень мы с Линтой, навьюченные покупками, буквально вползли в ворота академии. Скелет в черном камзоле и шляпе-котелке приветливо щелкнул челюстями и ткнул куда-то вперед.

Я, вытирая выуженным из сумки платочком, пот со лба, посмотрела в указанном направлении и едва сдержала стон. Впереди виднелось красивое двухэтажное здание, украшенное колонами с округлыми окнами. Но до него еще нужно было дойти, и что-то подсказывало мне, что и это не конечный пункт нашего назначения.

Оглянувшись на Линту, проверяя, жива она вообще или нет. Я-то ладно... Так, закупились по мелочи, а вот у девушки рук не хватало, чтобы удержать все те многочисленные пакеты, которые она насобираала. Я в шутке предложила ей понести часть ноши в зубах, и к моему немалому удивлению, она последовала моему совету. Так что картину мы сейчас являли собой весьма любопытную.

Стараясь держать лицо и не гнуться под тяжестью сумок к земле, я гордо пошла к зданию, хотя вышагивать тут было особенно не перед кем, разве что перед скелетом-сторожем, но не думаю, что это для него интересное зрелище.

Пот стекал с лица, щеки наверняка покраснелись, а дыхание сбилось. Я чувствовала себя так, будто пробежала, по

меньшей мере, сотню яргов[1], а уж про то, что ощущали мои бедные ноги и говорить не следовало. Они ужасно ныли. Я была привычна ходить на каблуках, но даже в самые тяжелые дни, я не бродила на них столько времени! И сейчас подушечки пальцев ног просто умоляли о том, чтобы их уничтожили окончательно.

Тем не менее, преодолевая боль в ногах, усталость в мышцах, и малую долю раздражения от того, что мне вообще пришлось этот путь проделывать, я доковыляла до двери и распахнула ее. На меня повеяло слабым запахом свежих цветов и еще чего-то знакомого... И войдя в помещение, я поняла, что это был за запах — лак для ногтей.

Мы находились в огромном фойе, из которого вели три двери. Между двумя из них располагалась стойка, а за ней восседал скелет, или... Скелетиха? На этом умертвие был парик из густо завитых волос золотого цвета, а на костях висело модное платье. Видимо, оклад она получала хороший.

Но и это было не самое странное, просто сие существо условно женского пола, сосредоточенно красило верхние фаланги пальцев ярко-алым лаком. Оно было настолько сосредоточено на этом занятии, что даже не заметило, как хлопнула входная дверь, и я откашлялась.

Позади меня слышалось мычание, я обернулась, и увидела, что Линта, не выпуская пакет из плотно стиснутых зубов, пытается кричать, во все глаза уставившись на скелета.

Хмыкнула. Забавное зрелище... Нужно обязательно по-

том рассказать об этом Авону, посмеемся вместе. Потом я вспомнила, что этот гад мерзопакостный женился на моей сестре, и что больше сообщать ему об интересных моментах жизни не моя забота. От этих мыслей я помрачнела и уставилась на скелетиху, которая все также не обращала на нас внимания. А у меня, между прочим, руки ломит от тяжести сумок! И вообще, она тут для чего сидит? Чтобы ногти красить?

— Извините...

Ноль реакции.

— Извините! — повысила голос я.

По-прежнему никакого живого отклика. Живого... Хе-хе.

— Але! Вы меня слышите?! — крикнула я, подходя ближе.

— Девушка! — протянуло это существо мерзким неприятным голосом, особенно ярко растягивая букву «а». — Чего вы раскричались? Вам тут не базар!

— Замечательно. Вы меня услышали. Я — Кэмрин Аморано, студентка академии. Не подскажите, куда мне идти?

— Девушка! — все с той же интонацией протянула скелетиха. — Вы не видите, я занята! Подойдите в другое время.

У меня от возмущения дар речи пропал. Всего на десятую долю мгновения, но пропал. А потом я выпалила:

— Через какое еще другое время?! Скажите мне, куда идти, и я тут же вас покину!

— Откуда я знаю, куда вам идти?! Вы не знаете, а я что,

знать должна?

— Да! Вы же тут для этого и сидите!

Она подняла голову, окинула меня взглядом своих синих глазниц и снова сосредоточилась на маникюре.

— Кто вы там? Некромантка, колдунья, ведьма?

— А что, невидно? — ехидно поинтересовалась я.

— Девушка! Я вам провидица что ли? Идите... Туда! — она неопределенно махнула рукой и было совершенно неясно в какую сторону она мне указала.

— А можно конкретнее? — не отставала я.

— Нельзя! Идите, вы мешаете высыхать лаку!

— Куда нам идти?!

— Я уже сказала.

И все. Больше она на меня не реагировала вообще. Я рыкнула и покинула помещение, напоследок хлопнув дверью, надеясь, что она вздрогнула и неровно покрасила своей ногой, что б ему провалиться!

Рядом со мной послышалось мычание.

Я посмотрела на Линту, она ширила глаза и пыталась что-то спросить, но слов было не разобрать. Однако я все равно поняла, что девушка имела в виду.

— Пойдем направо.

Мы встали на дорожку, ведущую в нужном нам направлении, и поковыляли.

С каждым шагом идти было все труднее и труднее. Я обращала мало внимания на красивые прудики, раскинувши-

еся по обе стороны тропинки. Я не замечала скромные, но очень красивые торговые лавки, размещенные неподалеку. Я не трепетала от наивкуснейшего запаха свежей выпечки. Мне было уже все равно. Я просто хотела добраться до городского общежития, лечь в кровать и не подниматься с нее еще лет сто, а то и двести.

Но все попытки рано или поздно заканчиваются, и наша тоже подошла к концу. Мы оказались у высокого здания из белого камня, украшенного эркерами и башенками, массивной кованной дверью и стрельчатыми окнами.

Над входом весел герб, изображающий черную змею на переплетении голубого и золотого цветов.

— Как ты думаешь, это оно? — спросила я.

Все то же неизменчивое мычание было мне ответом, я качнула головой и стала подниматься по ступенькам, ведущим к дверям.

Мы снова оказались в просторном фойе, и здесь также сидел скелет, который заполнял какие-то бумажки. Слышался скрип пера и редко постукивание челюстей умертвия.

— Простите... — начала я.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Взгляд его задержался на мне не дольше секунды, а потом он резко выпалил:

— Ведьмам не сюда!

Мы снова стояли перед дверью, и снова решали, куда идти. Решив не сворачивать с намеченного пути, я повела нашу малочисленную компанию из двух человек дальше.

Мы шли сквозь аллею деревьев, по бокам от дорожки стояли кованые лавочки, которые так и манили присесть, но я мужественно держалась и шлепала дальше. Птички щебетали над нашими головами, и их пением звоном отдавалось в ушах. Я уже проклинала все на свете, молясь о миге, когда смогу расслабиться.

Но вот перед нами показалось элегантное здание в готическом стиле из черного кирпича. Его крыши протыкали пиками небо, а круглые витражные окна красиво контрастировали с их остротой.

Над входом в это здание висел герб с изображением серебряного паука на черном фоне. Меня несколько насторожило отдаленно маячившее позади кладбище, но я решила не придавать этому особенного значения и поспешила внутрь.

Здесь витал какой-то совершенно особенный, неприятный сладковатый запах. Он оседал в животе, легких и отбивал и возможность, и желание дышать дальше.

Я прикрыла лицо рукавом и посмотрела на скелета, который, как и в предыдущих двух зданиях, сидел за стойкой. Этот имел накладную длинную бороду и золотые круглые очки. Он был с головой погружен в чтение какой-то огромной толстой книги.

— Вам не сюда. Тут некроманты, — буркнул он, не отрываясь от тома. Мне даже обращать его внимание на себя не пришлось, и это было хорошо. А вот тот факт, что нам придется идти дальше, сильно удручал.

Но деваться было некуда, я в который раз рыкнула, и мы с Линтой пошли дальше.

Пока мы шли по тропинке, я поняла, что нам всего-то и нужно было, что свернуть от первого здания налево, а не в обратную сторону. Но было поздно задумываться об этом. Я, стискивая зубы от усталости, переставляла ноги. И мы, наконец, пришли. Правда картина, представшая перед нашими взорами, вызвала дикую надежду на то, что мы все же пришли не по адресу.

Нас встретило старое, ветхое здание со следами обвалившегося кирпича по углам. Фундамент шел трещинами, под крышей вился красивый узор паутины. Над дверью, как и везде, висел герб с черной кошкой на зеленом с золотым фоне. Однако герб этот был покосившимся. Чувствовалось, что держался он буквально на добром слове.

Я мужественно вздохнула и побрела по ступенькам, которые были сколотыми, потрескавшимися и неочищенными от дорожной грязи, нескольких плит не было, и под ними проглядывался фундамент.

С трудом распахнув массивную дверь, которая открылась с ужасным скрипом, я оказалось в темном помещении без окон. На стенах висело несколько подсвечников с чадящими свечами. Пол был почти мягким от пыли, осевшей на нем. Он был настолько грязным, что было даже трудно представить, что я находилась сейчас в нормальном помещении, а не в каком-то хлеву.

Пыль тут же забралась в ноздри, я чихнула, шмыгнула и прикрыла нос, осматриваясь.

За стойкой сидел самый настоящий труп с синюшной кожей, следами разложения на лице, в ветхой истлевшей одежде. Он неразборчиво бормотал, а его рука отдельно от тела записывала что-то на листе, при этом пачкая трупной жидкостью большую часть бумаги.

Запахок был соответствующий картине. И как я сразу его не ощутила?!

Поморщилась. Все это было омерзительно. И эта грязь, и эта вонь, и это тлеющее, гниющее тело, которое, несмотря ни на что, все же двигалось.

Я откашлялась, запихнула все свое отвращение куда подальше и мужественно направилась к столу.

— Здравствуйте! — крикнула я, не уверенная насколько хорошо это чудо слышит.

— Не кричи, не глухой, — буркнул мертвяк сиплым голосом.

— Мы — первокурсницы.

— Поздравляю.

— Нам нужны комнаты.

— А мне нужна путевка к морю, и что?

Я фыркнула.

— Зачем вам море, вы же сразу там рассыплитесь, ну или расплыветесь.

Он поднял голову, одно из его глазных яблок упало и по-

катилось в мою сторону, а остановившись, пристально посмотрело на меня. Мне стало как-то не по себе.

— Кэмрин, уйди от него! Он тебя сожрет! — взвизгнула позади Линта, которая очевидно устала держать в зубах пакеты.

— Вот еще! — возмутился мертвяк. — У меня на ведьм аллергия! Дети — другое дело.

Я сглотнула, прогнала мерзкий страх, который стал потихонечку зарождаться в груди, поудобнее схватила за метелку и рявкнула:

— Так! Каннибал недоделанный, говори, где наши комнаты, не то так по черепушке метлой заряджу, что по всей комнате свои глаза будешь искать! — и, преодолевая отвращение, щелкнула пальцами по главному яблоку, отчего то отскочило и, упав со стола, покатилося в угол.

Мертвяк обиделся. Единственный глаз вылупился на меня оскорбленный в лучших чувствах.

— Вам налево. Второй этаж. Вторая дверь. Вещи уже там.

— Спасибо.

Вежливость все же никто не отменял. Даже несмотря на то, что я была злая, как собака, и еще более уставшая. Схватила ключи и, кивнув Линте, пошла к двери.

— Ненавижу ведьм. Наглые, невоспитанные, и чуть что сразу метлой грозятся. Никого спасу нет. Где мой глазик? Дубер, где ты? Иди к папочке, — услышала я за спиной его бормотание.

Подумаешь! А сам-то!

Был бы чуть приветливее и к угрозам прибегать бы не пришлось!

Мы шли по коридору, и с каждым шагом я ужасалась все больше и больше. Половину стекол было разбито, шторы явно видали лучшие дни, ковер на полу был настолько грязным, что посея в него зерно, что-то явно проросло бы. Каменные стены были с заметными трещинами, в которых лезли пауки. Внезапно один такой зверек вдруг спустился с паутины прямо передо мной.

Я взвизгнула, отскочила, потом выругалась так, что Линта покраснела, и пошла дальше.

Винтовая лестница также не оставила после себя приятного впечатления. Половина перил было разрушено, а ступеньки были слишком крутыми. Шанс упасть с этого чудо-строения и упасть, переломав себя все, что только можно, был очень высок.

Я просто молилась всем богам, чтобы наша комната оказалась не такой. Но поднявшись на второй этаж, я едва ли сдержала крик.

Половины крыши просто не было, и яркое полуденное солнце совершенно беспрепятственно освещало полуразрушенные стены. Я осмотрела уцелевшую стену и пошла к деревянной, почерневшей от времени двери, которая была второй по счету.

Распахнув ее, я ожидала увидеть все, но только не это.

То была казарма. Причем не лучшая.

Как вы понимаете, в казармах в принципе условия не очень, но тут не было даже кроватей!

На грязном полу валялись матрацы, в углу кипой были навалены подушки и одеяла, от которых несло слежавшимся бельем и потом. В дальней стене было единственное окно, даже не завешанное шторами.

На некоторых матрацах девушки уже разбили свои лагерь и сейчас сидели с распахнутыми чемоданами, перебирая вещи. Мой багаж и правда был тут. Розовые и фиолетовые красивые чемоданчики стояли у стены, ярко выделяясь на фоне всеобщей скудности и грязи.

Мои сумки и метла с грохотом упали на пол. Я в ужасе смотрела на все это, прижав руки ко рту.

Ко мне повернулись головы некоторых девушек, которые выглядели вполне довольными этим местом.

— Ты чего не идешь? — обернулась ко мне с улыбкой Линта, которую видимо тоже ничего не удивляло.

Они тут с ума посходили что ли?!

Я еще раз оглядела эту картину великого запустения и застонала. Грордова бездна, куда я попала?!

[1] Ярг — полтора километра.

Глава 5.

Я критичным взглядом осматривала выделенный мне матрас, отмечая на нем дыры, с вываливающейся через их края соломой, и непонятного происхождения пятна. Вонь от этого спального аксессуара шла такая, что мне приходилось прикрывать нос надушенным платком. Да и в целом, в этой казарме было не очень приятно находиться. Мои губы не могли перестать кривиться от отвращения.

Я мысленно взывала к богам, спрашивая, за что они так меня не влюбились?!

Почему даже некромантам, этим труполобам, выделили красивое здание в готическом стиле, наверняка с невероятно удобными отдельными комнатами, а нам вот это полуразрушенное грязное нечто?!

Что самое поразительное, возмущена была я одна.

Другие ведьмы сидели на своих вонючих матрацах, подложив под голову не менее ароматные подушки и преспокойно болтали, облачась в какие-то странные, пугающие, черные мантии и остроконечные шляпы со следами пыли.

Думала, что хотя бы Линта поддержит меня в моем негодовании, но она удивленно на меня посмотрела и сказала, что ни в одной академии не предоставляют условия лучше, чем в этой.

Вы представляете?! Та клоака грязи и мерзости, в которой

я оказалась по условиям, оказывается, была совсем неплоха! Оказывается, это в нас так воспитывали отсутствие брезгливости.

Не знаю, работали такие методы воспитания или нет, но я в них участвовать не собиралась. Не хватало, чтобы у меня какие-нибудь вши завелись после такого!

Осторожно притащив все свои вещи к одному месту и попросив Линту за ними присмотреть, я пошла назад к мертвяку. Даже отзвук стука моих каблуков, казалось, звучал раздраженно.

Спустившись вниз, я подошла к стойке и хлопнула по ней ладонями. Мертвяк поднял голову и посмотрел на меня.

— Чего?

— Мне нужны матрац, подушка, одеяло и постельное белье.

— А что в комнате их не осталось?

— Осталось. Но на них невозможно даже сидеть! Они грязные и отвратительно пахнут!

— Других нет, — просипел он и уставился в свои бумаги.

— Быть не может! Это противоречит всем санитарным нормам! Не могу поверить в то, что гильдия, зная о таком безобразии, допустила это!

— Я не знаю, — буркнул он.

Ясно. Этот субъект особым умом не наделен, а значит, обращаться к нему бесполезно.

— Где находится деканат?

— В главном корпусе.

— Спасибо!

Я позволила себе нормально дышать, потому что запах гниения, исходивший от моего собеседника, больше не терзал ноздри и пошла к выходу.

Примерно поняв, что собой представляет территория академии, я свернула направо, и не ошиблась. Вскоре передо мной показалось здание, которое мы с Линтой увидели, как только вошли.

Я распахнула двери, встречая всю ту же скелетиху, которая, что удивительно, все еще красила ногти, правда уже зеленым лаком.

— Мне нужно поговорить с деканом!

— Девушка! Опять вы?! У вас назначено?

— Нет.

— Так идите отсюда. Не мешайте.

Я рыкнула и подошла к ней вплотную. Ужасно хотелось накричать на нее, начать угрожать, топтать ногами, но я стала действовать хитрее.

— Красивый лак.

— Да. Я купила его в переулке Желтых фонтанов у мадам Бюльде. Знаете ее, у нее лучший выбор косметики!

— Это так, — согласилась я и улыбнулась. — Однако ж, ее косметика ни в коем случае не сравниться с косметикой из самого Ифровара. Как думаете?

Скелетиха заинтересованно на меня посмотрела. Ее глаза

блеснули.

По моей коже теплом разнеслось удовлетворение. Все же, к каждому существу можно подобрать свой ключик.

— Вы мне ужасно нравитесь, госпожа, — протянула я, усмехаясь. — И, если бы мы были подругами, я, пожалуй, подарила бы вам два вида лака из империи. Нетронутых. Не распакованных.

Да. На какие только жертвы не пойдешь ради чистой постели! Я этот лак у папы год выпрашивала и еще столько ждала, пока он мне его привезет. Но думаю, я смогу прожить без этих двух бутыльков, а вот без нормальной кровати — нет!

— Так как?

— Я тоже всегда хотелось обзавестись такой подругой! — щелкнула челюстями она.

— Замечательно! Принесу вам обещанное сегодня же. А что насчет декана?

— Он в своем кабинете, на втором этаже.

— Спасибо! — улыбнулась я и понеслась в указанном направлении.

Вскоре я поняла, почему скелетиха не дала мне других указаний о его местоположении, нужную дверь было сложно спутать с какой-либо другой. Ведь она единственная из всех была старой, с облупившейся краской, паутиной в углу и очень грязной ручкой.

Я порадовалась тому, что не сняла перчатки, и, постучавшись, вошла в кабинет.

К представшей перед моими глазами картине я была, конечно, готова, но все равно надеялась на что-то более чистое и приятное глазу.

Небольшая тесная комнатуха с полуразвалившимися книжными полками по бокам и невысоким столом впереди. За ним сидел, собственно, декан.

То был невысокий полноватый мужчина лет пятидесяти. Его жидкие волосы были прилизаны и выглядели грязными, одутловатое лицо было дружелюбным. Маленькие глаза непрерывно бегали по комнате, будто выискивая кого-то. Однако его рога были очень большими и совсем не вязались с общим внешним видом.

При моем появлении он поднял голову и посмотрел на меня.

— Вам что-то нужно?

— Здравствуйте, — проявила я вежливость. — Я бы хотела поговорить с вами об условиях нашего проживания в стенах академии.

— Да?

Он отложил перо и откинулся на кресло, которое ужасно громко скрипнуло и покачнулось.

— Они ужасны! Так совершенно невозможно жить! Повсюду грязь, неприятный запах и даже пауки!

— А что вы хотели? — ехидно усмехнулся он. — Вы приехали поступать в академию колдовства Люпива Ужасного! Мы выпускаем лучших ведьм! Хотели жить в чистоте и пряд-

ке, поступали бы в институт благородных леди!

— Но условия жизни других факультетов...

— А вам что с того? — перебил меня он, щурясь. — Вы не на другом факультете, а на этом.

Я скрестила руки на груди и осмотрелась еще раз.

— Может быть, факультет просто не хотят финансировать? Ваш кабинет тоже уютом не блещет.

— А он и не должен! Я — ведьмак, а не робкая барышня! И вы тоже не она. Вы ведьма. Или, по крайней мере, собираетесь ей стать!

Прищурилась.

У меня был дар. Я нутром чувствовала, когда мне ввалили или что-то скрывали. Сдавалось мне, что этот мужчина многое бы отдал, чтобы иметь нормальный кабинет. И поскольку терять мне было практически нечего, я все же надавила:

— И все же, что нужно сделать, чтобы факультету выделили необходимую сумму на ремонт общежития и вашего кабинета?

— Что за наглость! — вскричал он, вскакивая.

— Как вы правильно заметили, я — не барышня, а ведьма. Мне свойственен некоторый наглеж. И не свойственно спать как блюмп, в хлеву!

Тут декан вздохнул, плечи его опустились, и он рухнул в кресло, которое, не выдержав подобного надругательства, просто упало. Я кинулась к мужчине, подавая руку.

— Вы в порядке?

— Да... — прокряхтел он, поднимаясь и ставя назад кресло, потом осторожно сел в него и снова вздохнул.

Вытащил из ящика бутылку и, откупорив крышку, приложился к ней. Сделав несколько больших глотков янтарной жидкости, выдохнул через рот и с грохотом поставил бутылку на стол.

Я за всем этим дело наблюдала с сомнением.

— Ничего тут не сделаешь! По регламенту положено создавать ведьмам такие условия.

— А кто эти регламенты установил?

— Так предыдущая Валхара. А новая только поддержала ее. Во всей Рамиивии ты не сыщешь условия лучше.

— Но это же... Это просто дискриминация!

— Что поделать...

— А как мне прикажете спать?! Вы были в нашей комнате?! Там ужасно!

— Что поделать, — развел он руками, и я поняла, что диалог исчерпал себя.

Выйдя из кабинета, я ужасно хотела хлопнуть дверью, но побоялась, как бы она с петель не слетела, а потому пришлось держать себя в руках.

Я не знала, что делать.

Но одно было ясно, спать я в той помойке, точно не могла!

Когда я вышла из здания администрации, я была еще злее, еще более усталой и намного более злой и разраженной. Для этого было сразу несколько причин.

Во-первых, по всему так и выходило, что мне придется спать в той помойке.

Во-вторых, я уже почти рассталась с дорогим мне бутылечком лака, а в итоге не добилось по большей части ничего.

И в-третьих, меня просто все достало.

Настроение было рычать, оскалив зубы и припав к земле на каждого прохожего. Что было странно, ведь у меня выросли рога, а не собачьи уши и хвост. Было бы более логично хотеть всех забодать. С другой стороны, подумав об этом хорошенько, я поняла, что идея боднуть кого-нибудь совсем не казалась мне плохой. А даже наоборот.

Мимо меня шли колдуны в насыщенно синих мантиях с золотым отворотом, которые будут спать в теплых и мягких постелях, вокруг них будет витать аромат чистоты и порядка. А мне предстояло провести ночь в клоповнике, и от этого мне становилось еще хуже.

— Чего уставилась?

Я поняла, что девушка, на которую я довольно пристально смотрела, остановилась и сейчас, обернувшись ко мне, глядела с вызовом, перекрестив руки на груди. Возможно, ее черные очи должны были напугать меня, возможно, посох, который она держала в руках, должен был вселить в меня уважение. Возможно. Но это было не так.

Все эти чувства и в моем благодушном состоянии вселялись в меня довольно трудно, а уж когда я была зла и вымотана, им меня было не достать.

— А нельзя? — провокационно спросила я, не отводя взгляда.

Девушка усмехнулась и медленно направилась ко мне, помогая себе идти посохом. Наверное, она думала, что так выглядит могущественно. Но на самом деле, ситуация была довольно комичной. Массивный, величественный посох никак не вязался с ее довольно миловидной внешностью и светлыми волосами. Казалось, будто она украла его у кого-то, и сейчас кичилась им.

— Ты же ведьма, да? — потом она фыркнула. — Конечно, ведьма. Только посмотрите на эти уродливые рога. Так вот. Запомни, вас тут и в грош не ставят. Вы — словно челядь. А челяди не пристало смотреть на хозяев вызывающе.

Если бы только можно было вообразить фразу, которая взбесила меня больше, я бы очень удивилась. Я не любила дискриминацию в принципе. Если я слышала, как кто-то оскорблял даэлей[1], многие из которых бежали в нашу страну в прошлом году, или если я видела, как издевались над прислугой, я просто взрывалась.

Сейчас же эта девчонка покусилась на святое. На мои рога, уже полюбившиеся мне, и на мою принадлежность к ведьминскому роду. Да, пусть меня не растили ведьмой, но гордость к нашей фамилии я впитала с молоком матери. И за-

берите меня грорды, если я позволю какой-то выскочке меня оскорблять.

— Ты же колдунья, да? — я фыркнула, подражая ей. — Ну конечно, колдунья. Только посмотрите на отсутствие даже проблеска интеллекта во взгляде. Запомни, диктовать условия могут либо глупцы, которые просто не понимают, что их не слушают, либо владеющие силой и властью, которые знают, что им подчинятся, — я презрительно осмотрела ее с ног до головы. — И сдается мне, что ты относишься к первой категории. Смысл моих слов дошел до тебя, или я выражаюсь очень сложно?

— Я — колдунья! — гордо сказала она и зло на меня посмотрела. — Именно колдуны оказывают большее влияние на совет. Именно мы богатейшая гильдия во всей Рамивии. Даже купцы послушны нам.

Я широко улыбнулась, понимая насколько убог ее умишко.

— И что?

— Как что?! — возмутилась она, кидая на меня презрительный взгляд. — Мы правим этим миром.

Я усмехнулась прямо ей в лицо.

— Ну, допустим, гильдия колдунов действительно оказывает большее внимание на наше королевство. Но только на него! До господства над миром ей еще ехать и ехать. Думаю, я скорее стану богом, чем ваша гильдия подчинит себе все державы. Но это все маловажно. Суть в другом. Неуже-

ли ты думаешь, что из-за того, что ты назвала мне общеизвестные факты о влиятельности гильдии, я паду ниц перед тобой? Неужели ты думаешь, что твоя тщедушная душонка хоть как-то причастна к их величию? Неужели ты думаешь, что им есть до тебя хоть какое-то дело?

— Ты должна! — вспыхнула она. — Мы...

— Мы то, мы се, — передразнила я ее и наступила на девушку, почти сталкиваясь с ней грудью. — Чего ты стоишь, колдунишка из деревушки? Думала, нацепишь нарядные тряпки, и никто не поймет, что ты приехала, грорд знает откуда? Думала, подчистишь перышки, и уважение так и прилипнет к ним? Твои руки грубы и в мозолях. Ногти обгрызены, а камушки в ушах... Ох, да это никак подделки?

— Да что ты знаешь! — зашипела она, также наступая на меня. — Будто бы ты фифа столичная! Сама-то из какой дыры вылезла?

Я была чуть ниже ее ростом, поэтому пришлось чуть приподнять голову, чтобы смотреть ей прямо в глаза. По моим губам прямо-таки растеклась победная усмешка.

— Я бы сказала тебе, ибо мне нечего стыдится. Но знаешь... Я вдруг поняла, что ты не достойна знать даже моего имени, что говорить про название места, в котором я родилась. Ты — маленький, неуверенный в себе отросток колдуна, который стремится подняться, за счет унижения других. Искренне ненавижу таких людей. Даже презираю.

— Ты! — зашипела она.

Я улыбнулась и отошла на шаг.

— Надеюсь, ты сможешь жить с этим.

— Мы еще не закончили! — рывкнула она.

И тут я, окончательно взбешенная, оскалилась и зарычала, чуть прогнув спину и подавшись вперед. Рык у меня в последние дни выходил просто отменный. Утробный, угрожающий, дикий.

Это было неожиданностью для колдуньи. Она отпрянула, на мгновение испугавшись. Но потом взяла себя в руки и гордо сказала:

— Мы еще встретимся, ведьма!

Девушка отошла к своим подругам, которые ждали ее, презрительно косясь в мою сторону, а после все вместе продолжили свой путь, перемывая мне косточки и оглядываясь.

Я прищурилась, напоследок рыкнула им вслед и, развернувшись, чуть нос к носу не столкнулась с каким-то юношей. Сделала шаг назад, стараясь вырвать для себя больше пространства, а заодно осматривая его.

Он был субтильного телосложения, щедедушность которого еще больше подчеркивал свитер, размера на три превышающего размер самого юноши. Его пепельные взлохмаченные волосы падали на лицо, закрывая глаза, которые, будто считая, что им мало этого пепельного прикрытия, прятались еще и за очками! И не какими-нибудь симпатичными очками, которые мы с сестрой видели в журналах столичной моды, а самыми обыкновенными, заурядными... Не удивлюсь,

если узнаю, что у него и душки чем-нибудь перемотаны.

Он как-то неловко улыбнулся и потер шею.

— Я видел ваш разговор. Ловко ты их.

Голос его был приятным. И несмотря на то, что вид он имел очень неуверенный, слова его звучали довольно насмешливо. Это как-то не вязалось с общей картиной.

Я прошла по нему взглядом, не забыв ответить.

— Да. Не люблю, когда на меня давят.

— Я заметил, — улыбнулся он.

Еще раз осмотрев его, заметила на его правой груди герб с пауком, вышитый на свитере.

— Так ты учишься на факультете некромантии? — в лоб спросила я.

Он недоуменно посмотрел на меня, потом кинул взгляд вниз и понимающе кивнул.

— А... Да. Я некромант.

Я хмыкнула.

— Думала, вы чуть более...

— Агрессивные?

— Скорее антисоциальные. А ты довольно дружелюбный.

— Можно сказать, что я — исключение, — усмехнулся он.

И сказано это было таким тоном, что я невольно снова я осмотрела. И, найдя то, что искала, довольно улынулась.

— Можно сказать, мне повезло.

— Да? — удивился юноша. — И почему же.

Я ловко подцепила его под руку и повела вдоль по дорожке. Он сначала хотел было вырваться, но я ему не позволила.

— Видишь ли, какая проблема. У нас на факультете ведьмачества ужасные условные проживания. Отвратительные. Они совершенно не пригодны для молодой девушки.

— Да, я слышал о подобном. Сочувствую, — прикинулся дурачком он, хотя я знала, что этот паренек понял, к чему я клоню.

— Зато у некромантов эти условия просто отменные. Одиночные комнаты... — продолжила я.

— Это так, но... Я не совсем догадываюсь, к чему все это...

Я почти по-братски похлопала его по плечу.

— Послушай, мне нужна нормальная комната. А тебе нужно сохранить свою тайну. Думаю, мы сможем друг другу помочь.

— Что? — рассмеялся он. — Какую еще тайну?

Я улыбнулась его смеху. Какая искренность, какая прекрасная игра.

— Ты не похож на темного эльфа.

— Почему я должен быть на него похож? Я чистокровный человек.

— Мне тоже так показалось на первый взгляд. Но вот се-режка в твоём ухе... Не лазурный завирский[2] толит[3] ли это? Редкая штучка.

Я спросила просто так, мне не нужно было его подтверждение, я знала правду. А ещё знала, что с помощью это-

го камушка можно наложить на себя личину. Не думаю, что этому пареньку понравится, если вся его конспирация накроется медным тазом. А она накроется, если я хорошенько покопаюсь в этом деле.

— Что? Это обычный сапфир.

— Отрицай сколько хочешь. Но я знаю правду, и ты теперь знаешь, что я ее знаю.

— Не слишком ли ты наглая?! — вдруг огрызнулся он, и я широко улыбнулась. — Не лезь в это.

— Не буду. Еслипустишь меня к себе в комнату и уступишь кровать.

Он остановился и посмотрел на меня. Как жаль, что я не видела его глаз из-за очков!

— Как ты себе это представляешь? У нас вообще-то комендант в общежитии сидит. Не думаю, что он пропустит тот момент, когда мужской этаж зайдет девушка, к тому же с рогами.

— Не знаю, — я еще шире оскалилась. — Придумай что-нибудь. Я уже сделала свое черное дело, или точнее лазурное.

Он рыкнул. И я уважительно приподняла брови. Даже у меня это так хорошо не получалось.

— Хорошо. Я пос-с-страюсь, — прошипел он. — Через час я зайду за тобой. Будь готова.

После этих слов он ушел, я же потеряла подбородок в задумчивости. Что-то как-то легко он уступил. Слишком лег-

ко. Тут явно был какой-то подвох... Но вот какой?

[1] Даэль — так называют в простонародье темных эльфов. Светлых зовут лаэлями.

[2] Завирское княжество — соседнее государство, населенное темными эльфами.

[3] Лазурный толит — драгоценный камень.

Глава 6.

Морщась и ругаясь про себя, я зашла в ведьминскую казарму, прижимая к носу платок, и чуть не выронила его, когда увидела, что там происходило.

Раскрыв мой красивый чемоданчик, над ним нависали несколько девушек, копошась в моих вещах своими грязными руками. На их лицах цвела довольная мерзкая улыбка, изредка они еще и хихикали.

— Что здесь происходит?! — рывкнула я, озираясь в поисках Линты, которой я наказала сторожить мой багаж.

Девушка обнаружилась на своем матрасе с постной миной, за волосы ее держала какая-то мадама, посматривая на своих соучастниц.

Так. Понятно.

Я подобрала свою метлу, отброшенную этими преступницами за ненадобностью, и со всей силой огрела ближайшую ко мне девицу по спине. Та закричала и тут же повернулась ко мне, зло сверкая глазами.

— А ну культяпки свои от моих вещей убрала! — рыкнула я, грозно замахиваясь метлой.

— А то что?! — передразнила она меня.

Я без тени сомнения поддала ей, но теперь уже по лицу. Ибо нечего чужие вещи без спроса трогать. Мне теперь их все после этих мадамочек перестирывать придется, наверня-

ка они там микробов столько насажали, что одежду неделю полоскать нужно будет!

Девушка рыкнула и вскочила, ее подруги также отвлеклись от моего чемоданчика, испытывшего все муки надругательств, и с враждебностью уставились на меня.

Остальные обитательницы этой казармы предпочитали бездействовать, ни вставая на мою сторону, ни присоединяясь к этим воровкам.

— Вам чего там понадобилось? — оскалилась я.

— Не твое дело.

— Думаю, что мое. Поскольку это - мои вещи!

— Такая умная? — рыкнула девица, что стояла позади главной. На ней был особенно отвратительный балахон, который выглядел так, будто его не стирали уже очень долго.

— А тебя видно боги этим обделили! — презрительно фыркнула я, не меняя боевой позы.

— Не нарывайся!

— А я и не нарываюсь. Я обороняюсь! А теперь пошли вон от моего чемодана!

Я снова замахнулась метлой. И поскольку у этих девчонок такого грозного инструмента в руках не было, они, шипя и ворча, отошли. Та девушка, удерживающая Линту, тоже удалилась.

Мельком осмотрев вещи, я сделала вывод, что украсть они ничего не успели. Им же лучше. Папочка позаботился наложить на вещи заклинание против воровства, и тому, кто при-

ватизировал их, пришлось бы несладко. Похоже, любимый родитель знал, куда я отправляюсь. Ну, еще бы ему не знать!

Застегнув сумки я сгрудила их так, чтобы удобно было нести вниз.

— Ты уходишь? — как-то испуганно спросила Линта.

— Ага, бежит, поджав хвост! — отозвалась со своего грязного вонючего матраца девица, которая была поцелована мной метлой.

Проигнорировав ее замечания, обернулась к Линте.

— Не из академии, но из этого клоповника точно.

— Но что не так? — удивилась девушка.

Я обвела многозначительным взглядом все это пространство и в завершении кинула взор на воровок. Девушка кивнула, но нахмурилась:

— Они - да, но в целом, условия отличные.

Не могла посмотреть на девушку без жалости. Боги, где же она воспитывалась, коль такая нечеловеческая обстановка кажется ей нормальной?

— Нет, Линта, — покачала я головой. — Это - отнюдь не отлично. Даже не близко.

— Но где ты будешь жить?

В этот момент мне показалось, что в казарме стало абсолютно тихо, не звучало ни лишнего шепотка, ни звука чьего-то голоса, казалось, все были заняты своими делами, но я знала, что они подслушивали.

— Неважно.

— На улице, наверное, — хмыкнула какая-то ведьма.

Я снова не поддалась на провокацию, постаралась выдать из себя улыбку полную сочувствия к бедной Линте, потом поняла, что мне это не удастся, и просто усмехнулась. Осмотрев вещи, которые были готовы к погрузке, кинула грозный взгляд на ведьм:

— Если приду и увижу, что вы снова рылись в моем чемодане, вам не поздоровится. Мы с метлой составляем идеальный тандем.

Девушки зафыркали.

— А не боишься, что мы скажем, что ты не ночуешь в общежитии? Не думай, что ты одна такая умная. Нам есть куда идти, просто это запрещено.

— Рассказывайте, — пожала я плечами. — Но слышала я, что доносчиков не сильно любят.

После этого я пошла вниз. Зомби посмотрело на меня нечитаемым взглядом и уткнулось в свои записи.

От отведенного мне часа прошло всего ничего.

Поэтому я, посмотрев на лаки, вынутые мной при повторной укладке вещей, пошла в администрацию.

Там скелетиха, растрогавшись до глубины своего хранилища где-нибудь в лаборатории сердца, напоила меня чаем с печеньками. Оказалось, что она очень даже душевная тетька, посочувствовала моей проблеме, поругала вместе со мной бывшего жениха и похвалила за то, что развела некроманта на жилье.

— Правда, у них там запах тоже не самый приятный. Но это все же лучше, чем в общежитии у ведьм, — сказала она, отхлебывая чай из кружки, который даже и не знаю, куда делся из ее скелетистого тела.

Посмотрела на нее задумчиво, решила, что сначала нужно будет сходить к некроманту в комнату, оценить обстановку, а уж потом переезжать. Как-то не хотелось менять шило на мыло, а мыло на компот.

Тем временем, отведенный час медленно подходил к концу, и я, распрощавшись со скелетихой, поспешила в свой корпус. Некромант, проявляя чудеса, пунктуальности, уже ждал меня там.

Завидев мое приближение, он перестал ковырять носком ботинка землю и уставился на меня.

— Ну, где твои вещи?

— Знаешь... — начала я. — Мне сначала нужно посмотреть, что там у вас да как. А то как-то не хочется переезжать из одного хламовника в другой.

Я думала, он меня убьет.

У него так пальцы скрючились, что я невольно забеспокоилась о красоте своей белой шейки и здоровье в целом. Не хотелось, чтобы на вышеупомянутой части тела, заимелся красный след от его рук.

— Пошли, — рыкнул он.

Улыбнулась тому, что буря миновала и довольно потопала вслед за некромантом.

— А звать-то тебя как? — спросила его, поняв, что так и не узнала его имени.

— Сиэн.

— Кэмрин. Очень приятно.

— Взаимно! — прорычал он.

Я подумала о том, что для такой внешности он все же слишком агрессивен. Так и не знаток в драгоценных камнях поймет, что он что-то скрывает. Надо будет с ним поговорить об этом. Потом, когда Сиэн немного остынет.

Как и предупреждала моя новая и, к сожалению, уже мертвая подруга, в общежитии витал все тот же неприятный сладковатый запах разложения, который ощущался в фойе.

И хотя комната имела довольно приличный вид, с этим запахом невозможно было смириться. Даже надушенный платок не мог ничем помочь. Я скривила губы, сильнее прижала белую ткань к носу и вздохнула.

Этот мерзкий запах все портил, а ведь комната была действительно неплохой.

Просторная, с огромной двуспальной кроватью в центре, с бархатными черными шторами на окне, массивным шкафом ручной работы и мебелью этого же мастера. На каждом предмете интерьера были оставлены его инициалы, и я подумала о том, что это вообще ни разу не справедливо.

Комнаты некромантов были обставлены мебелью на заказ, а нам даже матрасы новые не выделили, что уж говорить о кровати!

Но, тем не менее, остаться я здесь не могла.

На самом деле, дело было не только в запахе. Сердце ца-
рапало чувство вины, что я бросила Линту на съедение тем
ведьмам, и плюс было какое-то необъяснимое желание дока-
зать им, что я не трусиха, который бежит от опасности, сло-
мя голову. Я сталкиваюсь с ней лицом к лицу и, глотая сопли
и пот, бьюсь до потери пульса.

— Нет. Я здесь не останусь.

Я повернулась к некроманту, который дышал спокойно,
ничем не прикрыв нос. Очевидно, для него запах был при-
вычным.

Он качнул головой, привалившись спиной к стене и пере-
плетя руки на груди.

— Как хочешь.

Я еще раз оглядела комнату, вздохнула и проговорила:

— Если станет совсем невмоготу, я приду. Так что, жди
меня.

Он фыркнул.

— Всенепременно.

И чего он так недоволен?

Кстати, вот интересно, чем он занимался этот час?

Узор на запястье стал зудеть, и я покрутила браслет, его
скрывающий, чтобы унять зуд. Мерзкая штуковина, мало то-

го, что руку мне испоганила, так еще и зудит, зараза!

Я улыбнулась юноше, поблагодарила его за проявленное рвение к помощи и побежала назад в свою общагу, мысленно репетируя в голове речь.

— О, явилась. Ты гляди-ка. Выгнали что ли?

Я усмехнулась в ответ, осмотрела девушек и, преодолевая отвращение и подступающие рвотные позывы, забралась на кучу одеял и подушек.

— Я вернулась не просто так. Женская солидарность не позволила мне оставить брата в беде!

— Какого еще брата? — не поняла какая-то девушка, удивленно оглядываясь и всем своим видом показывая, что никакими братьями тут и не пахнет.

Сделав скидку на скудность ее ума, я объяснила:

— Нашего женского брата!

Все еще отсутствие понимания во взгляде. Я вздохнула.

— Ну, вас, хухлик однобокий!

— Ты сейчас обозвала нас? — тут же встрепенулась другая.

Нет, в такой ситуации положительно невозможно работать! Куда это вообще годится?

— Спокойно! Я никого не оскорбляю! Просто вставила для красивого словца. Но мы отвлеклись. Сосредоточились,

девочки! — я щелкнула пальцами и продолжила. — Условия, в которых мы вынуждены пребывать ужасны! Они явное преступление против человечности, открытый акт дискриминации и магического неравенства, а также прямое унижение нашей гендерной сущности!

— Дискр... Чего? — тут же переспросила одна, морща лоб.

— Гендерной? — нахмурилась другая.

Боги.

— Дискриминации. Или притеснения. И женской. Понятно? Но мы опять отвлеклись. С этим надо бороться. Мы девушки, а не блюмпы. Мы не можем жить в грязи и носить рваные тряпки!

Из комнаты слышались робкие возгласы одобрения.

— Мы запасемся ведрами, тряпками, зельями и уничтожим мерзкий и зловонный запах! — я выбросила в воздух кулак, настраивая девушек.

— Да!

— Изгоним клопов и крыс!

— Да!

— Украдем матрацы у колдуний! — заорала я.

Толпа неистововала. Поднялся визг, топот. Раздавались хлопки в ладоши.

— Они нагло узурпировали и монополизировали все новые матрацы!

— Да!

— Не позволим же бесчинству происходить и дальше!

— Да!

— Ведь мы...

— Ведьмы! — заорали девушки.

— Да! — закричала я. — За работу! К завхозу!

И толпа маниакально ведьмочек, озабоченных приведением казармы в надлежащий вид, возглавляемая революционером в моем лице, двинулась на штурм хозяйственной комнаты.

И пусть убоится тот, кто встанет на нашем пути. Мы не знаем пощады!

Глава 7.

— Уйдите! — дрожащим голосом вопил из-за двери несчастный мужской голос, чей обладатель вот уже несколько минут пытался удержать свою дверь закрытой.

— Мы требуем тряпок и ведер! Мы борцы чистоты! — выдвигала я свои условия.

— Я не могу дать вам их! — почти плакал дяденька. — Общежития ведьм должны пребывать в запустении!

Я осмотрела узенький коридор, по которому рассредоточилась наша бунтующая группировка. По углам здесь были тенета, пару окон в длинном проходе, были запачканы настолько, что через них не проступал солнечный свет. Мерзкий жирный паук сидел на подоконнике и смотрел на меня своими черными глазками, выглядя абсолютно довольным жизнью.

Да... Похоже, работн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.